

Наталья Савицкая

О нем не часто говорят в нашей светской хронике, его редко встретишь на популярных ныне журфиксах (тусовках) среди тех, кого именуют «звездами» (а точнее — попсой). Но он по-прежнему продолжает удивлять своим неистребимым желанием создавать что-то новое. Об этом «новом» мы и говорим с легендой отечественного рока Стасом Наминым.

СТАС, год назад вы основали свой театр. И, как в прежних ваших проектах, опять предпочитаете играть по своим правилам. Ваши драматические актеры говорят в невидимые микрофоны, а в репертуаре театра представлены все жанры. Чем объясняется такое разнообразие, ведь начинали вы вроде бы с мюзикла?

— Когда я выбрал мюзикл «Волосы», я отнюдь не имел в виду, что это станет нашим главным направлением. На этом спектакле мы, скорее, отработали механизм, способствующий созданию труппы. Несколько месяцев с сентября 1999 года наш проект существовал как обычная антреприза. Получив минимальный опыт, подошли к вопросу создания театра уже более серьезно. Стратегически в год становления для меня было важным одно — воспитать универсальную труппу, умеющую работать в разных жанрах.

— Премьера «Волос» в России хоть отчасти повторила судьбу постановки в Америке?

— Да, правда, в несколько меньшем масштабе. Был и небольшой скандал, и неприятие нетрадиционного для нас театрального языка, формы и актерской школы. Сегодня же, когда сыграно более 100 спектаклей, можно увидеть и слезы в глазах зрителей, и искренний всеобщий восторг. Что приятно, порой и критики не стесняются своих эмоций и с удивлением признают мастерство актеров. Вообще, не надо забывать, что не только этот мюзикл, но и даже сам жанр нашему зрителю был ранее практически неизвестен. Этим термином в СССР обозначали все музыкальные спектакли и оперетты. Честно говоря, и сегодня мюзиклы и рок-оперы, поставленные в наших театрах, грешат эстрадностью в стиле советской песни. Даже классические рок-оперы порой звучат в манере полюбившейся нам попсы.

— И поэтому рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда» вы поставили в репертуаре классической интерпретации?

— Да, действительно, мы поставили ее на английском языке с минимальными костюмами и декорациями, в классической интерпретации музыки и вокала британского оригинала. Я считаю, что эти две постановки — «Волосы» и «Иисус Христос — суперзвезда!» — при всей популярности их в мире и у нас в стране всегда будут элитарными, прежде всего из-за той непривычной для отечественной сцены неэстрадной энергетики рок-культуры.

— А далее у вас в репертуаре музыкальный анекдот и трагедия...

— «Солдат Иван Чонкин» — совсем неожиданное сочетание классического драматического спектакля, живого народно-пионерского хора и народной музыки. У нас это получилось ностальгически точно и правдоподобно. Во всяком случае, публика хочет два часа подряд. И четвертым спектаклем, которым мы и завершили первый год существования нашего театра, стали «Четыре истории» по «Маленьким трагедиям» А.С. Пушкина. Здесь мы попытались соединить классическую драматургию с живым струнным квинтетом, академическим хором и этнической музыкой и танцами. Это произведение, наверное, стало первым, где мы попытались сделать видимый шаг в направлении синкретического жанра, в котором собираемся развиваться и впредь.

— Ваши драматические актеры говорят в микрофон. Вы ломаете все стереотипы!

— Это новшество пришло к нам «естественным» путем. Ортодоксальный театр это технологическое новаторство, скорее, не примет. А жаль! Именно оно позволяет одновременно с драматическим текстом использовать живой оркестр, хор, танец... У актеров нет необходимости искусственно форсировать голос, они могут перейти даже на интимный шепот или тихий вздох, который услышат на последнем ряду галерки. Много лет назад первый микрофон вокалисты тоже встретили в штыхы, а сегодня без него трудно представить современную вокальную культуру любых жанров. Даже Пavarotti пользуется микрофоном. Думаю, постепенно многие театры пойдут по нашему пути. Мы ищем ту форму театрального языка, которая поз-

Стас Намин. Музыкант, режиссер, фотограф. Из коллекции фотографий Стаса Намина

волит сказать именно то и именно так, как мы этого хотим. Наш театр — это естественный синтез пластики и драматического искусства, танца, хорового и сольного пения, симфонической, джазовой, роковой и этнической музыки.

— Что в ближайших планах театра?

— Сегодня театр работает над новой постановкой Сергея Соловьева «Константин Треплев» по мотивам чеховской «Чайки» на музыку покойного Сергея Курехина. Это будет спектакль, совершенно неожиданный не только для нашего театра, но и для московской театральной общественности. Премьера — в августе. В июле наш театр полным составом едет на 10-дневные гастроли в Израиль, где покажет «Иисус Христос — суперзвезда» и «Волосы» в шести городах страны. Кстати, это будет первый приезд знаменитой рок-оперы на обетованную землю. В августе же лауреаты Эдинбургского фестиваля режиссеры Кети Долидзе и Нана Квасхадзе начнут работу над новым спектаклем. Осенью театр будет участником фестиваля искусств «Гифт» в Грузии.

— Почему вы сегодня вдруг решили выразить себя через театр?

— Театр занимает особое место в моей жизни, прежде всего из-за некоего мистического племенного феномена. Когда собирается труппа единомышленников, она приобретает качество семьи, племени, соединенного необъяснимым взаимным притяжением, в основе которого тепло и любовь. Когда же внутри театра существует эта атмосфера, когда произошла химическая реакция между людьми, то та игра, которая лежит в основе любого театра, становится особенно интересной. Я задался целью создать такой коллектив.

— Возможно отсутствие этой «химической реакции» заставило вас покинуть большой шоу-бизнес?

— В доперестроечные годы мы имели дело лишь с государственным монополием в шоу-бизнесе, такими как «Международная книга», фирма «Молдия», радио, телевидение и другие. И когда первый президент

СССР Михаил Горбачев сформировал неслышанно вольную для старого режима позицию: «что не запрещено, то разрешено», я рискнул последовать этой установке в реальности. Законом о частном предпринимательстве тогда еще не было, поэтому действовать приходилось больше по наитию. В конце 80-х и начале 90-х я был так увлечен созданием независимых структур, разрушающих монополию старого режима, что даже не воспринял всерьез фразу моего друга Фрэнка Заппы, брошенную мне шутя перед международным рок-фестивалем в Лужниках в 1989 году: «Добро пожаловать в самый грязный бизнес в мире!». Только по прошествии некоторого времени, уже после создания группы «Парк Горького», радио SNC, журнала «Стас» и работы над некоторыми другими моими проектами, когда я почувствовал почти физический дискомфорт от происходящего вокруг меня и понял, что мой дух отторгает главенствующий в шоу-бизнесе принцип наживы, я вспомнил эти слова. И навсегда отделил для себя бизнес от искусства. В 1987 году, создавая корпорацию SNC, я был похож более на наивного романтика-энтузиаста, нежели на коммерсанта, а эволюционным путем было, скорее, желание прорыва из прежней жизни в свалившуюся на голову свободу. Хотелось многого. Но российский шоу-бизнес к концу 90-х уже набрал обороты и стал тем, чем он и является во всем мире: коммерческим занятием — примитивным, циничным и скучным, где интриги, власть, коммерция и политика...

— Означает ли это, что вы больше никогда не вернетесь на «большую» эстраду?

— Но мы и не уходили с нее. Недавно я выпустил записанный еще три года назад сольный гитарный альбом «Камасутра», это инструментальные гитарные импровизации в стиле арт-ритм-блюз. Сегодня рождается новый альбом «Цветов», а группа ныне — в самом сильном своем составе — Олег Прядченко, Валерий Диордица, Александр Грецинин, Юрий Вильнин. Уверен, что уже

осенью будет понятно, что они не только великолепные исполнители красивых ностальгических песен, но и абсолютной современной супергруппа, которая подарит нам еще множество новых хитов. И это не только мое мнение, но еще и отзывы наших серьезных музыкантов, которые побывали на живом концерте «Цветов», или, как их иногда называют профессионалы, — «Формула 1».

— Возможен ли некий компромисс между массовой культурой и «элитарной»?

— Наверное, массовая культура — это не просто музыкальные и другие вкусы толпы, это широкий комплекс разных аспектов жизни общества, основанных на субъективных критериях в ощущении себя и окружающей жизни. Законы развития культуры общества, в широком смысле слова, наверное, где-то очень глубоко замыкаются на законах генетического кода нации, о которых писал Лев Гумилев. Конечно, в определенной степени существует и влияние внешней среды, где самые эффективные формы в сегодняшней жизни — средства массовой информации. Но при всей привлекательности СМИ это, если можно так выразиться, насильственная информация. Это же не библиотека, где можно выбрать то, что хочешь. Обычный человек автоматически включает телевизор, радио или берет газету и получает то, что ему дают... не более того. Эта информация создается такими же обычными людьми, как и он сам, без особой тяги к этике и возвышенным мыслям. В основной своей массе газетки — это не очень профессиональные ремесленники, которые, как и большинство, примитивно зарабатывают себе на хлеб, производят «товар», который «продается». Благородство, добродетель, любовь и хороший вкус воспитываются через шедевры мировой классики. Идя на работу, большинство же взрослых людей покупают газеты, а вернувшись домой, смотрят телевизор. Серьезные книги читают только те из них, в ком сильно эта потребность. Вспомним, Иисус Христос с трудом учил своих ближай-

ших учеников, а чтобы привлечь народ к своим речам, ему приходилось удивлять всех чудесами. Наверное, любое общество построено по этому принципу. Тех, кто действительно движет искусство, науку и является гордостью и совестью нации, мало. Обычно они стараются быть независимыми, и их творчество не заметно за активно-агрессивной лавиной суррогата. Надо также иметь в виду, что во всем мире главный принцип демократии является одновременно стопором прогресса и даже просто противоречит здравому смыслу. Я веду речь о голосовании. Голосование большинством убивает разумные решения. Процесс воспитания масс в любом демократическом обществе, мягко говоря, не ярко выражен. В цивилизованных странах хотя бы существуют формальное воспитание, устои и традиции. Существуют официально провозглашенные в обществе критерии добра и зла, сформулированные через кинофильмы, музыку, книги и другие источники. У нас же, когда сомнительные критерии старого режима исчезли, начался коммерческий беспредел, который установил свои критерии: «Люди гибнут за металл, Сатана там правит бал». Сегодня наш народ просто плывет по течению. Поэтому и те тысячи девушек, которые дежурят на улицах страны, всерьез даже не принимают, на что они пошли. Если в районе красных фонарей Амстердама проститутки — циничные и опустившиеся, осознанно перечеркнувшие свою жизнь, то наши дурочки просто устроились на «работу», помогая своим семьям на периферии. Подавляющее большинство относится к этому просто как к обычному временному заработку. Кстати, суть этой профессии стала основой для всех остальных — и в политике, и в экономике, и в правосудии, и в искусстве, — фактически поглотила все общество. Продается все, вопрос — только в цене. Увы, даже не задумываясь над тем, что это значит, у нас ворует вся страна. Происходит стадное нарушение основных этических заповедей. Мы начинаем привыкать даже к сегодняшнему бытовому криминалу. Вы меня спровоцировали на какие-то серьезные разговоры. Боюсь, у читателей от моего занудства испортится настроение.

— Хорошо, вернемся к вашей музыке. Ваш диск «Камасутра» — это импровизация?

— Это полная свобода форм и гармонии, мелодии и ритма. Импровизация, которую правильно слушать где-нибудь в машине или дома, но не очень сосредоточенно, а «фоном», чтобы она не мешала думать о своем, тогда она незаметно войдет в вас и поведет за собой в субъективные грезы и фантазии личного ощущения внутреннего мира. Это не развлекательная музыка. Слушая ее, трудно веселиться. Может быть, секрет золотого сечения человеческого существа как раз и есть в сочетании трезвого ума и эмоционально впечатлительной романтики. Если танец — это культ тела, то музыка — культ духа. Музыка — самый неконкретный вид искусства. Она не только не имеет материального воплощения, но и существует в каком-то эфемерном пространстве или в ощущении, попавшем к нам через слух. В ней не бывает реализма, или «отображения» жизни. Поэзия, абстрактная живопись движутся в ее направлении, но музыка идеальна и непостижима. Она бессловесна, невидима и вечна. Музыка одновременно и самая пафосная из искусств, вдохновляющая армии и народы на подвиги, и самая интимная, которую надо слушать одному и с закрытыми глазами.

— Что для вас на первом месте — искусство или семья?

— Любое искусство вторично по сравнению с жизнью. Как-то я подумал, что одним из доказательств того, что Пушкин был такого же мнения, является факт его участия в дуэлях. Что, он не представлял, кто он для литературы? Мне кажется, что все, чем занимается человек в жизни — быт, работа, карьера, общественная деятельность, искусство, — является лишь игрой, отвлекающей его от мысли о смерти. Исклчением является лишь любовь во всех ее проявлениях. Это единственная вечная ценность.

— Вы больше не намерены эпатировать публику предложениями о выставлении мумии Ленина на обозрение всему миру?

— Это предложение я сделал с «серьезным лицом», но в действительности, конечно, это была

просто шутка. Я был уверен, что Ельцин и его правительство не обратят даже внимания на это предложение. Тем не менее оно было профессионально подготовлено, согласовано с серьезными специалистами развитых стран и экономически просчитано. Я как бы придумал игру, которая при абсолютной невозможности была абсолютно логична и реальна. Собственно, то, что я предложил Ельцину, состояло в следующем: если решат похоронить Ленина в земле, то, может, разумнее было бы перед этим провезти его мумию по крупнейшим городам мира. Причем вся экспозиция должна была включать в себя все реальные и достоверные экспонаты, собранные из всех стран, где он бывал, а также объективно показывающие его жизнь и деятельность с рождения до смерти. И только последняя часть экспозиции музея могла бы быть декорацией — точной копией мавзолея, с реальной охраной и караулом, с реальным холодом, с реальными представителями КГБ, которые следят за каждым человеком: «Выньте руки из карманов, не задерживайтесь!» и так далее... И вот когда расслабленные западные миллионеры узнают холод наших подземелий и «обаяние» того режима, когда у них затрясутся колени и выступит пот на лбу со страха, по выходе из мавзолея они смогут купить на память сувениры, все те бюсты и значки, которыми были заполнены наши магазины. Этот проект мог принести более трех миллиардов чистой прибыли. Эти деньги я предложил отдать пенсионерам, которые всю свою жизнь верили в Ильича и остались ни с чем. На меня тогда набросились и коммунисты, и демократы. Одни говорили: как я смею трогать святое, другие — как я смею пропагандировать дьявола. Но прецедент уже был. Возили же по миру мумию Тутанхамона, и, честно говоря, никто не знает, был он в жизни дьяволом или святым. Но тем не менее он остался в истории, и людям было интересно на него посмотреть. Я не берусь судить и Ленина, кого бы то ни было еще, но факт, что он перевернул жизнь одной трети земного шара, а может быть, и всего мира, уже сделал его неординарным и интересным для людей, так же как и Нерона, Наполеона и Гитлера. Он и сейчас лежит на обозрение толпе, только бесплатно, но почему-то мало кому приходит в голову, что огромная очередь не стоит в Музей Ленина, который находится в двух шагах, а хочет просто посмотреть, как сохранилась мумия. Разве это не стыдно для тех, кто его любит? Ну, а если серьезно, то, конечно же, вместе со мной смеялись над этой шуткой все разумные люди не только у нас в стране, но и за рубежом. Об этом напечатали и «Тайм», и «Форбс», и многие другие крупнейшие издания мира. У нас же реакция была неоднозначная.

— Вы живете между Америкой и Россией. Не случится ли так, что когда-нибудь вы решите не возвращаться?

— Помните анекдот про маленького крота, который прокопал яму до поверхности и, увидев зеленый мир, спросил маму: «Там так светло и красиво, что же мы живем здесь?» А мама ему ответила: «Но здесь же наша Родина!» В этой шутке есть только доля шутки. Менять страну возможно безболезненно только в юности. А у моего поколения столько уже пройдено, создано, потрачено сил и энергии, что мы, наверное, стали похожи на родителей того крота. Здесь нам все понятно, мы ко всему уже привыкли, нас ничем особо не удивили.

— Два слова о вашей последней любви — фотографии.

— Фотография — самое мистическое изобретение человечества. Если на кинолентку можно запечатлеть реальную жизнь и человека, то фотография выхватывает из этой жизни всего лишь миг. Фотограф интуитивно нажимает кнопку, а далее идет некий абсолютно мистический, не подконтрольный ему процесс. От фотографа, по сути, ничего не зависит, но в то же время есть хорошие фотографы и плохие. В чем она — гениальность фотографа? Лично я и не пытаюсь разгадать этот секрет, полагаясь только на свое интуитивное ощущение и вкус. Я снимаю лишь то, что мне кажется красивым.

— Где можно увидеть ваши фотографии?

— При благоприятном стечении обстоятельств альбом моих фотографий может выйти уже этой осенью. ■